

**Очерки из жизни
одинокого студента**

ИЛИ

**довольно странный
путеводитель по Милану
и окрестностям**

Филипп Кимонт

18+

Филипп Кимонт

**Очерки из жизни одинокого
студента, или Довольно
странный путеводитель по
Милану и окрестностям**

«Автор»

2023

Кимонт Ф.

Очерки из жизни одинокого студента, или Довольно странный
путеводитель по Милану и окрестностям / Ф. Кимонт —
«Автор», 2023

Северная итальянская столица – холодный и дождливый Милан — едва ли сравнится в популярности с городами-символами Италии, сами знаете какими. Что мы о нем знаем? Ла Скала, шоппинг, Дуомо – пожалуй, и все. Но судьба забросила автора, тогда еще беззаботного студента, именно сюда, в один из старинных университетов города. Для чего? Точно не для учебы, решил он после первого учебного дня и отправился в свое путешествие по городу и окрестностям, затянувшееся на два с небольшим года. Почему так недалеко? Потому что на лекции все же надо было забегать. Как человек с фантазией, он решил, что за потрепанными клише должно скрываться что-то стоящее. И оказался прав! Старый город не только развернул перед ним свою неповторимую, бурлящую, неведомую туристам жизнь, но и приоткрыл завесу прошлого. Теперь и вы узнаете, где в Милане выпить кофе с Магомаевым и поужинать с Суворовым, как попасть на день рождения к графу-режиссеру, покорить итальянский Эверест и найти последних альпийских аборигенов.

© Кимонт Ф., 2023

© Автор, 2023

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
Очерки из жизни одинокого студента	7
Возвращайся, русский!	9
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	12
ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ	13
НАКОНЕЦ, ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, ОНА ЖЕ ПОСЛЕДНЯЯ	14
Понаехали	16
Пальто эмигранта	17
Миланские дворы	19
Сравнение с московским двором	20
Выходя на след фельдмаршала	21
Конец ознакомительного фрагмента.	22

Филипп Кимонт

Очерки из жизни одинокого студента, или Довольно странный путеводитель по Милану и окрестностям

ПРЕДИСЛОВИЕ

Здравствуй, дорогой читатель! Кажется, тебе и правда нечем себя занять этим вечером, раз уж ты открыл эту книгу. Если тебя хватит на то, чтобы добраться хотя бы до третьего рассказа – считай, ты потерянный для общества человек. Погрузившись в эти милые, но страшно легкомысленные рассказы, ты распишешься в своем нежелании бежать в ногу со временем, эффективно жить и эффективно работать. Страшно представить, но ты признаешь свою неспособность активировать свои внутренние энергии и наконец встать с дивана, чтобы уже через месяц стать счастливым и богатым.

Сиди, пожалуйста, не вставай! Я хочу сказать, что очень рад этому. Но об этом после. Теперь для тех, кто еще колеблется, не бросить ли эту книжку подальше и поскорее заняться саморазвитием (или на крайний случай медитацией). Официально, хотя и с некоторым сожалением, заявляю: эта рукопись не содержит инструкцию по исследованию твоего мозга, не наполнена «лайфхаками» по управлению чудо-бизнесом, и едва ли развлечет лихо закрученным сюжетом про роковую любовь, головокружительную измену, немыслимые интриги, заговор и, наконец, мировую бойню между людьми моря и людьми суши, поджидающую наш прекрасный мир уже в 202...-м году.

Пока я окончательно не потерял тебя, дорогой сомневающийся читатель, замечу в свое оправдание, что, прежде чем решиться пополнить своими искренними излияниями и так уже трещащее по швам информационное пространство нашей бедной планеты, я старательно исследовал, что называется, тренд. В какой-то момент я понял, что все-таки не попадаю не только в него, но даже и в «антитренд», что, в сущности, ничем не хуже и даже сыграло многим на руку. Моя же рукопись представилась мне где-то на обочине. Пройдет кто-нибудь скучающий, поднимет, перелистнет страницы, ухмыльнется и, отбросив, пойдет скучать дальше.

И вот, чтобы сразу же по выходе не попасть прямиком в макулатуру – я, сделав над собой некоторое усилие, все-таки посвятил понятию «эффективность» целых несколько глав подряд (в основном, по части экономии). Эта та тростинка, которая должна удерживать меня на поверхности хотя бы до прихода нового тренда, решил я тогда. Что же ты думаешь, в тот же день я получил предложения сразу от нескольких довольно известных издательств, где, даже не читая моей рукописи, мне предложили напечататься самому. Я настаивал, чтобы все же прочитали, перед тем как публиковать, но в ответ получал лишь ссылки на оплату.

Как бы то ни было, в тот вечер я заснул почти знаменитым. А на утро понял, что разговаривал с чат-ботами. Страшно раздраженный, в ультимативной форме написал им всем, что заплачу только тому, кто прочтет мою книгу. Внизу специально приписал: «От автора. Лично в руки главреду». Но роботы только промолчали. Видно, не наделили их такими полномочиями. Молчал и я. А потом подумал – на то я и человек, чтобы находить компромиссы. И решил опубликовать себя там, где бесплатно. Пожалуйста, не читайте, господа редакторы, но и от меня не получите ни цента! Как-то так.

Но мы отвлеклись. Этот, по меткому выражению классика (тоже хлебнувшего в свое время от издателей), «сумрачный лес» пройден и теперь мы можем спокойно поговорить о нас с тобой, дорогой читатель. Надеюсь, со мной остались еще любители Италии – те, кто еще держит в руках эту книжицу исключительно в силу своей любви к

«настоящей» пицце, капучино и вечно молодому Челентано (дай Бог ему здоровья). Так вот, должен сразу предупредить, что они не найдут здесь модных советов о том, где провести незабываемый weekend, чем насладиться по его ходу и как на всем этом сэкономить. Помимо любителей есть еще, конечно, и ценители: их может удерживать здесь привязанность к про-секко, прошутто крудо и, предположу, неотразимому Мастоаянни. Ценителям мои советы едва ли будут полезны. Остаются только настоящие знатоки со своей верностью набору из Aperol Spritz на аперетив, лимончелло на диджестив и великим Антониони посередине. Знатоки могут смело усмехнуться мне в лицо, поскольку сами с большим успехом издают, пишут и советуют в прямом эфире, как же все-таки провести свой итальянский отпуск, так, чтобы и не забыть, и не остаться без штанов.

Поэтому автор злонамеренно избегает раздавать подобные авторитетные советы, тем более что за два года жизни в этой стране он столько раз оставался, мягко скажем, в дураках (особенно по части экономии), что некоторые байки и теперь, спустя уже 6 лет, продолжают бродить по университетским аудиториям и уютным тратториям – от Альпийских предгорий и Паданской равнины до теплых вод Мессинского пролива. Начинаются они обычно со слов: «Был тут один...»

Цель же скромного автора – провести тебя, дорогой читатель, за собой, по той удивительной обыденности итальянской жизни, которая недоступна туристам и малоинтересна местным. Он не относил себя ни к первым, ни ко вторым и поэтому имел счастливую возможность творить свою собственную, уникальную «обыденность».

Она вдруг возникла из гремучей смеси нестройных мыслей, несусветных фантазий и романтических суеверий, гуляющих по его, тогда еще пустоватой голове, а также из свободного времени, дарованного учебой и беззаботностью, подаренной родителями. Исчезла же она так же неожиданно, как и появилась, с его последним вылетом на родину.

Poscritto: Да простит мне дорогой читатель обилие итальянских цитат и словечек – автор очень рад, что запомнил когда-то их значение, и старается дать почти каждому перевод, пусть и подчас художественный. Почему почти? Во-первых, чтобы чтение книги не превратилось в чтение сносок – как у некоторых именитых флорентийских писателей, не будем показывать пальцем¹. И, во-вторых, чтобы читатель, не дай Бог, не подумал, что автор сомневается в его осведомленности. Для тех же, кто решил вывести автора на чистую воду и следить за его передвижениями, каждый рассказ снабжен точнейшими координатами мест его пребывания.

¹ Вот она, первая сноска. Речь про Божественную Комедию Данте Алигьери.

Очерки из жизни одинокого студента

В студенческие годы моей жизни в Милане мне не раз приходилось возвращаться домой поздним вечером. Учеба, избранная умом, но не сердцем, каждый раз оставляла в душе неясное чувство неудовлетворенности от прожитого дня. Маленькая комнатуха, которую я снимал у сердобольной женщины, располагалась в модном здании, выходящем на довольно узкую, но необычайно шумную кольцевую автодорогу города². Плетясь вдоль нее в свою обитель, я часто думал, что город никогда не замечает приближения ночи. Он продолжает бодрствовать и буйствует с необычайной энергией и как будто досадой на упущенные в полдень часы дремоты. Сияя слепящими огнями, он гудит, рычит и оглушает, будто желая наверстать потерянное время.

Наощупь сворачивая в свой двор, я отмечал, что скверы и дворы не разделяют настроения города. Здесь безраздельно царят положенные временем покой и тишина. С ночью здесь никто не тягается, и сумрак полноправно заполняет собой все пространство. Кажущийся далеким гул борьбы непокорного города вызывает здесь искреннее удивление. Каждый раз не уставая этому удивляться, я незаметно

для себя доходил до дома и поднимался в комнату, где меня встречали те же сумрак и тишина.

Комнатуха моя была устроена таким замысловатым образом, что единственным местом, где можно было протянуть ноги, не сгибаясь в других конечностях, была кровать. Благодаря этому своему свойству она пользовалась несомненным преимуществом перед другими местами моей обители. Ложившись так, не разоблачившись, я устремлял не видящий в темноте взгляд на часы, что висели напротив. От времени укрыться невозможно, и, если ты не видишь часы – ты их обязательно слышишь. Вот и я будто слышал их тикающий голос: «*Ma che vergogna, meschino studente, straniero noioso! Mente altri si divertono, tu stai a letto, un miserabile immigrato, e stai perdendo il mio tempo prezioso!*»³.

И вот однажды, в очередной раз выслушав эту, местами непонятную, но все равно довольно обидную реплику, я положил, что так продолжаться не может. Восстав, я переместился в ванную.

Я забыл упомянуть, что вместе с комнатой внаём мне в качестве бонуса досталась личная ванная – у хозяйки была своя. Оба мы таким образом имели счастливую возможность пользоваться абсолютной приватностью и «душевным» спокойствием – тебя никто не потревожит в минуту задумчивости, нередко посещающей мыслящего человека в такого рода помещениях. Так вот, в этой самой ванной комнате, довольно просторной, помимо известных мне предметов находилось биде, о предназначении которого я имел тогда довольно смутные представления.

Несмотря на приватность, оставаться подолгу в ванной без особой причины все же было странно – не только по общепринятым нормам (умный человек на них плюет⁴), но и по моему личному, внутреннему убеждению. В комнату с говорящими часами мне возвращаться не хотелось. Поэтому, чтобы оправдать своё неприлично продолжительное отсутствие, необходимо было придумать какую-нибудь хоть немного приличную деятельность. Дабы не залезать каждый раз в душ и не начищать без конца зубы, я придумал нечто, что можно было бы охарактере-

² 45.457319, 9.190108

³ И как тебе не стыдно, горе-студент, унылый чужестранец! Пока другие веселятся, ты лежишь здесь, жалкий иммигрант, и теряешь даром мое драгоценное время!

⁴ Прим. автора.

ризовать как «парение ног в биде». И что вы думаете – попробовав однажды, я возблагодарил небо, пославшее мне столь удачную мысль!

Следует, однако, пояснить принцип этого занятия. Одолжив старинное кресло из гостиной своей хозяйки, я располагался в нем поудобнее и опускал ноги в биде, предварительно наполненное до краев самой горячей водой, которой располагало миланское ЖКХ. С этого момента начиналось нечто таинственное и трудно постигаемое.

Окутанный горячими испарениями, я терял всякую связь с внешним миром, и время, этот вечный бич мечтательных натур, наконец теряло надо мной свою власть. Город снаружи почтительно замирал и обращался в темные, безмолвные очертания; квартира за дверью ванной вместе с ее немногочисленными обитателями погружалась в непроглядный, почти осязаемый мрак. И лишь тусклый свет старинной лампы в моей ванной оставался единственным источником жизни в этом огромном безжизненном мире. Иногда мне казалось, что, если моя хозяйка случайно зайдет в этот момент внутрь ванной комнаты, озадаченная необычайно повышенной влажностью своей квартиры по ночам, она, как фаустовский дух, спросит с коварной улыбкой: «*Wer ruft mir?!*»⁵.

Погруженный в размышления о призрачности сущего, я наблюдал, как пальцы на ногах, оставленных мною в бурлящей воде, в какой-то момент отказывались шевелиться. Меня это почему-то забавляло, и я, ничего не предпринимая, ждал, пока откажется шевелиться вся нога. Несмотря на мое упорство, достойное маркиза Де Сада, этого почему-то не случалось, зато ноги становились такого цвета, что начинали напоминать раков из моего детства, которых мы с деревенскими пацанами ловили в кристальной воде нашей речки, а затем варили.

Однако этот эксперимент, страшно увлекавший меня, никогда не удавалось довести до конца: видимо, в какой-то момент в доме заканчивалась горячая вода и из крана начинала литься холодная. Опухшие ноги этого не чувствовали – я понимал это по постепенному редению пара вокруг себя. Побеждённый, но не сломленный, я вынимал их из биде. Напрочь глухие к благородству моего жеста и как будто мне в отместку, ноги неожиданно отказывались меня держать. Делая вид, что мне это, по сути, безразлично, без их помощи я кое-как выползал из ванной в направлении своей комнаты. К счастью, единственными зрителями окончания моих бальнеопроцедур были бодрствующие в этот час коты хозяйки. Оба взирали на меня молча и бесстрастно.

После, лежа в полуобморочном состоянии в гробовой тьме своей комнаты, я чувствовал, как жизнь медленно, но верно возвращается в мои многострадальные ноги, вновь наполняя их способностью шевелиться и, самое главное, повиноваться мне. Завтра на рассвете они, как ни в чем не бывало, вновь понесут меня к первой паре и посадят за парту. Я лежал и думал, что по возвращении со скучной учебы я непременно снова погружу свои две бедовые в дымящееся биде и опять, как прежде, буду глядеть на них и вспоминать родную речку, раков и пацанов.

⁵ «Кто звал меня?» Перевод с немецкого. В. Гете. Фауст.

Возвращайся, русский!

Одним из красивейших мест итальянского севера по праву считается озеро Комо. Расположено оно на стыке Паданской равнины и альпийских предгорий. Всего какой-нибудь час езды из шумного и пыльного Милана – и ты оказываешься в другом мире. Вода цвета неба окаймляется тонущими в зелени берегами и разбросанными по ним живописными виллами. Наверно, самая живописная из них – вилла Бальбьянелло⁶. Находится она в глубине озера, никакой поезд до нее не доедет. Приходится пересаживаться на автобус, который с ветерком и визгом давно отработавших свое шин донесет тебя до места по дороге, проложенной между горными утесами и водами озера. Назвать эту дорогу дорóгой, конечно, опрометчиво. Несмотря на предполагаемое двустороннее движение, сказать, что в некоторых местах автомобили проходят «впри-тирку» – не сказать ничего. Когда же несется автобус, встречным машинам лучше вплотную прижаться к обочине и притвориться припаркованными. Самим же счастливым обладателям личных авто можно посоветовать только зажмурить глаза и смиренно ждать своей участи. Автобус их обычно милует, однако каждый раз напоминает, что счастье – штука относительная.

Ну, вот вы и добрались. Местечко называется Ленно. От красоты пейзажей, расстилающихся во все стороны света, перехватывает дыхание. И если вам скажут, что именно в этих благословенных местах был расстрелян главный фашист Италии – суровый Муссолини, вы поверите, только открыв дома Википедию.

Вот тут начинается довольно затянутая, прозаичная, но зато безупречно правдивая история, не обещающая читателю ничего, кроме разочарования в человеческой природе. Разочаровываться будем с вами вместе, поскольку речь пойдет не обо мне, а об одном моем приятеле, которого я знал довольно близко. Случись такое со мной – я бы никому об этом, конечно же, не рассказал. А приятель не обидится.

Так вот, мой приятель тоже не поверил в байку про Муссолини. Поэтому, даже не думая о том, чтобы найти эту пропитанную кровью Дуче стенку, он сразу отправился на куда менее мрачно известную виллу Бальбьянелло. Побывав на экскурсии, единственное, что он запомнил из ее многовековой истории, это то, что построил ее кардинал, а досталась она в конце концов сыну крупнейшего итальянского промышленника, большому романтику и эстету. Благо, сын промышленника мог себе позволить эти два качества. Чувство красоты его с избытком проявилось в генеральной реконструкции виллы, доставшейся ему в весьма ветхом состоянии. От ветхости не осталось и следа, когда в дом внесли люстры и канделябры, выкупленные из Лувра. Отремонтировав виллу, итальянец принялся за удовлетворение своих романтических чувств. Однако, вопреки тому, что дорогой читатель мог подумать, удовлетворял он их в бесконечных путешествиях во все края света и в покорении самых высоких вершин нашей планеты, благо, он не был женат и мог себе это позволить⁷. Самую высокую вершину он лично, однако, не покорил. Перед последним переходом, когда до пика высотой без малого 8850 метров оставалось рукой подать, итальянец, видно, не удержался и решил откупорить за успех экспедиции коллекционную бутылочку Barolo⁸, припасенную им специально для этого случая. Его попутчики деликатно отказались, поскольку памятовали, что на такой высоте алкоголь противопоказан. Он же, будучи верным сыном своего отечества, напомнил им, что вино на их родине

⁶ 45.965301, 9.202566

⁷ Гвидо Мондзино возглавлял в 1973 году первую итальянскую экспедицию на Эверест.

⁸ Точное наименование вина нам неизвестно. Может, и Barbaresco.

не считается за алкоголь, и у всех на глазах опрокинул бокал (также припасенный для этого случая) благородного напитка. Давление его подскочило, и врачи, не успевшие вовремя отнять бутылку, аккуратно уложили его в палатке – ожидать, пока скучные трезвенники вернутся с вершины⁹.

Нужно сказать, что в то время мой приятель чувствовал себя не меньшим романтиком и эстетом, чем последний владелец виллы. Однако, несмотря на довольно нелепую необходимость посещать учебное заведение, он активно, насколько позволял курс евро и расписание этого учебного заведения (согласно лучшим итальянским традициям не слишком определенное), развивал в себе эти завидные качества. И вот наш молодой иждивенец, вдохновленный примером отважного итальянца, но пропустив свой бокальчик еще внизу, за обедом, почувствовал непреодолимую тягу покорить свой Эверест. Так он окрестил, судя по всему, безымянную возвышенность, расположенную в непосредственной близости от Ленно¹⁰. Присмотрел он ее давно: вершина буквально нависала над городком. Зеленые луга на самом верху казались снизу чем-то неземным. Там, конечно, не было восьми тысяч, но весьма вероятно, что великий итальянец не раз взбирался на нее, тренируясь перед отправкой в Гималаи.

Времени до последнего автобуса из этого горного края было еще предостаточно, и мой приятель, счастливый от предоставленной возможности, взял низкий старт. Единственное, чего он не учел, это какого-то невразумительного состояния погоды. Небо то прояснялось, то заволакивалось серыми массами туч. Ветер, видимо, не знавший, что ему делать при таком раскладе, дул то в одну, то в другую сторону. Эта неопределенность сильно злила его, и он, выхватывая из общей серой массы зазевавшиеся тучки, с каким-то упоением разрывал их в клочья и сбрасывал с воздушной высоты к самой земле. Жалкие остатки этих когда-то грозных туч, неспособные больше парить, оседали на горные утесы, изливая на них обильные слезы по утерянной навсегда высоте.

Во всем, что разыгрывалось на небе, была какая-то драма. А драма в небе всегда побуждает чувствительные натуры к поискам драматичности на земле. Стоит ли говорить, что мой приятель был именно такой натурой.

И вот, никем не замеченный и, соответственно, никем не предупрежденный, он уже выходил на горную тропу, теряющуюся где-то в туманной высоте. Трудно передать то чувство упоения, которое испытываешь, поднимаясь в горы без какого-либо снаряжения, еды, воды, и с почти разряженным телефоном. У него не было с собой даже элементарно трости – я уж не говорю про альпеншток, который бы весьма соответствовал его романтически-байроновскому настроению. Что у него было, так это два зонта. Почему два? Да потому что один он предусмотрительно взял с собой из города (наверно, единственное проявление предусмотрительности с его стороны за этот день), а второй купил непосредственно на вилле, как память о подвигах ее последнего владельца. Так вот, у нашего героя было два зонта. Он только не мог решить, который из них лучше раскрыть в случае дождя, и поэтому шагал пока с открытым верхом.

Позади, в далеком городке, уже терявшемся в тумане, слышался немного заунывный, немного тревожный колокол местной церквушки. Наш искатель приключений бодро шагал все вверх и вверх, навстречу, как ему казалось, неизвестности. Чувство тревоги, мгновенно сообщившееся его чуткой натуре, отнюдь не навело его на разумную мысль повернуть назад... перед ним, выросшим в сером московском дворе, открывался новый, неизведанный доселе мир, с утопающими в зелени склонами, мрачным небом над головой, заунывным ветром в вышине. Этот мир звал и манил, готовый принять в свои объятия юного бедолагу.

⁹ Ну вот и первое (пусть и сомнительное в отношении фактов) употребление вина, едва ли осужденное автором, на родине которого вино постановили признать алкоголем. Как сказал один итальянец: «Мы осуждаем алкоголизм, но очень любим вино». Нам такая казуистика недоступна, поэтому смиренно принимаем страшный приговор под названием «18+».

¹⁰ 45.996153, 9.188346

Начал накрапывать дождь. Мой приятель заметно промок, пока переживал муки выбора между двумя зонтами. Когда наконец выбор был сделан, дождь успел заметно усилиться. Каждый поворот раскрывал влекущую вперед тропинку, теряющуюся в низко склоненных над ней и насквозь промокших кустарниках и деревьях. В какой-то момент со всех сторон на нее полились потоки воды и, несмотря на немалую прыгучесть нашего героя, любимые кеды очень скоро приняли соответствующий погоде вид.

Разумные доводы, которые мог бы привести ему сейчас любой из представителей остального человечества, встретиться он сейчас на пути, наверняка заставили бы нашего героя на мгновение задуматься и даже несколько замедлить шаг. Но, вопреки сказкам, судьба, как известно, жестока со своими любимцами и спасительной встречи не случилось, а мысль развернуться и бежать вниз показалась не то, что глупой – прямо кощунственной. «Слабаки!», – выкрикнул он остальному человечеству и демонстративно, уже не помня в который раз, сменил зонт.

Но самое главное, что толкало нашего героя все вперед и вперед – было ощущение именно этого первобытного одиночества. Так как все слабаки остались внизу, он понимал, что в радиусе как минимум пяти километров нет ни одной живой души, и уже не был уверен, есть ли вообще кто-нибудь в этом диком мире, обступившем его со всех сторон. Вся живая и разумная тварь, укрывшись от разбушевавшейся стихии, сидела в своих сухих и уютных жилищах, с боязнью наблюдая за разворачивающимся снаружи водным безумием – он презирал их всех. Оставшись наедине, лицом к лицу с могучими силами матери–природы, он почувствовал себя первым человеком на земле. Этот ливень, этот громыхавший над самой головой гром, молния, от которой становилось темно в глазах – все принадлежало только ему. Упоенный новым, доселе неизведанным чувством, он так бы и скакал наверх, маниакально меняя зонты, но тут произошло нечто.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

Несмотря на холод, который уже пронизывал его тело насквозь, голова его была как никогда горяча. Решив, что уже нечего терять – все равно весь мокрый – он вдруг сложил оба зонтика и... остолбенел.

Перед ним громыхал красивейший водопад. Этот водопад не оставил бы равнодушным даже самого бездушного скептика. Можете себе представить, что случилось с нашим бедолагой! Великолепие, обрушившееся на него так беспощадно, погасило в нем последние остатки разума и логики. Он вдруг стал как-то совсем нездорово спокоен и рассудителен. Рассуждал он так: «Красота этого мира дарована человеку свыше. Он может созерцать ее и становится от этого счастливее. Но также не стоит забывать, что он, человек – венец творения. Поэтому вся красота мира должна принадлежать ему. Он должен покорить и подчинить ее себе. Этот водопад, каким бы ни казался грозным и свирепым, должен быть тоже покорен. Более того, он, похоже, восходит к самой вершине. Это прямой и самый короткий путь». Такова была последняя мысль, мелькнувшая в его помраченном разуме. Бросив зонты, он рванул навстречу свирепому каскаду. И чем сильнее тот бурлил и пенился, усиливаемый потоками, буквально извергавшимися из туч на вершину, тем яростнее мой товарищ взбирался по нему...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

История умалчивает о подробностях борьбы между человеческим полоумием и силами природы. Кто знает, докуда бы долез наш герой и чем бы это все закончилось, но на его беду, а скорее счастье, случилось нечто, что положило довольно прозаичный конец этому безумию. Вскарabкиваясь на очередной утес, он неожиданно для себя нащупал в своих карманах нечто. Этим нечто оказались телефон, кошелек и паспорт, который он предусмотрительно взял в поход. Обо всем этом он совершенно позабыл, увлекшись сражением со стихией. Сейчас они дружно плавали в воде, которой были полны его карманы. Сознание мгновенно возвратилось, и реальность обступила его со всей своей ужасающей плачевностью. Паспорт свернулся в трубочку, телефон отключился и, кажется, приказал долго жить, а в кошелек, в котором должны были быть оставшиеся деньги и билеты домой, он просто побоялся заглянуть.

Чем же закончилась эта трагикомедия о железной воле, стальных нервах и горячей голове? Мой приятель бежал вниз по горной тропе, не чувствуя под собой отяжелевших ног, перемахивая через бешеные водные потоки и скользя по камням. От отчаяния и злости на себя он начал вопить военные песни в такт своего бега: «По-о-лем вдоль бе-рега круто-го мии-моо хааат!» Его голос приобрел какое-то глухое, неестественное звучание. Казалось, что кто-то другой кричит неподалеку, причем с надетым на голову ведром. Его мало заботило, что кто-то из жителей этого благословенного края может услышать его воинственные вопли – сейчас ему надо было выпустить, как у нас говорят, пар.

Когда, наконец, он спустился в городок, бедолага был похож на утопленника, передумавшего топиться. Дождь, по удивительной иронии судьбы, уже стихал, гроза удалялась на восток, громыхая прощальными раскатами нашему приятелю, видимо, сильно ее позабавившему.

Встретил же его тот самый колокол на старинной кампаниле¹¹. Собрав обрывки своего разума в кучу, герой старательно отсчитал удары, и не поверил ни ушам, ни голове, ни колоколу: со времени начала его альпийских злоключений прошел ровно час... Разумеется, ему казалось, что прошла вечность, ну или хотя бы часа два. Как бы то ни было, до автобуса было еще далеко. Он чувствовал, что, если сейчас что-нибудь не предпримет – он или упадет в обморок, или подхватит воспаление легких. А может, и то и другое одновременно. Нужно было где-то согреться, чтобы автобус забрал его отсюда живым. Он углубился в городок.

¹¹ Колокольня

НАКОНЕЦ, ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ, ОНА ЖЕ ПОСЛЕДНЯЯ

Сухие, довольные своим благоразумием люди выходили из домов под проясняющееся небо. Мой приятель уже никого не презирал, ибо все свое презрение он обратил на себя. Устав от изумленных и немного боязливых взглядов, он свернул в первую попавшуюся трагторию. Таких трагторий, нужно сказать, было в этих краях с избытком. В них проводили приятные вечера чопорные пенсионеры откуда-нибудь из предместий Лондона или Гамбурга, потягивая изысканные вина, смакуя благородные сыры с разноцветной плесенью (плесень тоже может быть благородной) и аккуратно отсчитывая услужливым «камерьере¹²» свои евро, однако так аккуратно, что для их банковских счетов за горами такой отпуск оставался практически незамеченным.

Мой приятель, появившийся в дверях, совсем не походил на немецкого пенсионера, поэтому тут же обратил на себя внимание всех присутствующих. Будучи по натуре человеком скромным, он сначала было смутился, но тут же, вспомнив, через что сейчас прошел, отчаянно перешагнул порог и сел за первый попавшийся на пути стол. Немцы с британцами начали было соревноваться в своей чопорности и неизвестно бы еще, кто победил, если бы на помощь не пришла скромная итальянка. Милая девушка, видимо, подрабатывавшая здесь летом официанткой, сразу сообразила, что парень не из простых. Она, нужно полагать, недолюбливала своих ежедневных посетителей – с ними ей было невыносимо скучно.

Почувствовав своим женским чутьем, на чьей стороне сила, она быстро подошла и встала у столика моего приятеля, чем всех примирила.

– Что-нибудь горячее, пожалуйста! – выпалил он на ломаном итальянском.

– Простите, не совсем поняла вас, – смутилась было девушка.

– Я ходил...наверх...горы...потом дождь...

Он не знал, как сказать «гром», поэтому изобразил его руками. Девушка вдруг засмеялась, видимо, открыв в нем довольно импонирующую ей черту – нелепость.

– Зачем же...как неосмотрительно...в такую погоду... Тут она наконец сообразила, что ему нужно.

– Одно мгновение. У нас есть кое-что для тебя! Она и сама не поняла, как перешла с ним на «ты». Немного покраснев от собственной смелости, она быстро скрылась за ширмой кухни.

Приятель мой остался сидеть, довольный тем, что его не только не выставили за дверь, но еще готовы обслужить наравне с чопорными британцами. Вода, из которой он теперь состоял не на 80 процентов, а на все сто, стала постепенно теплеть. Паспорт, дабы его распрямить, он положил под пресс – тяжелую вазу, стоявшую тут же. Наконец, он заглянул в кошелек и нашел, что деньги можно отличить от билетов. Про телефон же он решил пока не думать: «Я подумаю об этом завтра», – вспомнил он слова главной героини любимой мелодрамы своей бабушки¹³. Тут появилась официантка, держа на подносе дымящийся напиток.

– Это грог, – заявила она с видимым удовольствием, – как раз то, что тебе сейчас нужно! Кстати, ты откуда? Случайно не русский?

Он только улыбнулся во весь свой синий рот. Это было настолько очевидно, настолько ясно, что, кажется, все, сидевшие в трагтории, поняли это, стоило ему показаться на пороге. Отсюда, верно, было все их высокомерие и отсюда же такое оживление в девушке. Она было

¹² Официант

¹³ Речь о нашумевшей в свое время киноэпопее по не менее нашумевшему роману «Унесенные ветром». Бабушки очень любят.

залилась звонким смехом, но, видимо, вспомнив, что он здесь клиент (хоть и русский), укоризненно посмотрела на него и перешла к другому столику.

Не зная, что его больше согревает, грог или внимание к своей персоне милой официантки, он сидел и вновь наслаждался мгновением. Но радость эта была совсем не дикая, как давеча, а тихая и смиренная. Он всецело признал себя недостойным не то, что царского венца властителя животного мира, но и завидного звания человека разумного. Вокруг него, очень может быть, и сидели люди разумные, но сам он (по крайней мере на этот вечер) зарекся отнести себя к их числу.

Он сидел тихо, благодарный небу, что жив, и людям вокруг, что не замечают его. Подходило время прибытия автобуса. Он расплатился своими мокрыми и скомканными бумажками, чем снова вызвал сдержанный смех официантки, попросился, как умел, улыбнувшись всем, и словно в награду за свои дневные испытания, неожиданно услышал из прекрасных уст: «Возвращайся, русский!»

Понаехали

Это место каким-то чудом избежало участи проходного двора для празднующихся толп туристов, что перманентно наводняют собой известные каждому, бывавшему в Милане, Piazza del Duomo¹⁴, Galleria Vittorio Emanuele II¹⁵ и Piazza della Scala¹⁶. Бедным мостовым и стенам последних нет покоя ни днем ни ночью от приезжих, каждый из которых, прибыв в Милан, считает своим святым долгом первым делом устремиться сюда и радостно влиться в поток таких же, как и он, «пилигримов».

Не раз я, заложив руки за спину, гордый и презрительный ко всему, аршинными шагами рассекал эту праздную толпу, обрывая улыбки, портя фотографии и распугивая полчища голубей, этих прожорливых, ненасытных птиц, расхаживающих по Piazza del Duomo в ожидании очередного любителя эффектного фото, ну и, конечно, острых ощущений. Сами же любители то восторженно визжат, когда эти разбойники с остервенением начинают склевывать с их рук еду (не забывая при этом нещадно лупить и покрывать своего соседа отборным цокотом), то благоговейно замирают, когда самый бесстыжий разбойник усядется к ним на голову. Какое особое удовольствие заключено в этом постыдном маскараде – я искренне затрудняюсь понять.

Я бы, может быть, и понял, если птица была бы диковинная, обитающая, к примеру, только здесь, в северной Италии, но ведь ее нет разве что, кажется, в Антарктиде; да и то, поскольку те берега давно оккупированы не менее беспринципными пернатыми – чайками.

И везде, и повсюду она (птица-голубь) наполняет площади, вокзалы и парки, найдя свое безрадостное пристанище в этих бесприютных каменных джунглях, связав свою горькую долю с порочным кругом нашей жизнедеятельности.

Где твоя честь, птица? Символ мира, символ благой вести. Не тебя ли выпускал из ковчега Ной? Не ты ли принесла ему в своем клюве масличный лист, вселив радость в сердце седовласого праведника? Не ты ли стала первым насельником Земли, омытой от грязи греха и порока? Не ты ли, наконец, стала символом Святого Духа? Ты. А виноваты в твоём бедственном положении только мы, люди, понастроившие свои города, наплетшие свои социальные сети и придумавшие «лайки».

Размышляя таким веселым образом, я прокладывал свой нелюдимый путь сквозь щелканье затворов, хохот и крики многоязычной публики. Для законченной картины подобных прогулок мне не хватало одного лишь слова, которое я бы цедил сквозь зубы (но так, чтобы было, конечно, слышно), наталкиваясь на очередную парочку, забравшуюся сюда в свой медовый месяц. Печально сознавать, но я так и не нашел итальянского варианта нашего весьма любезного русского слова, выражающего крайнюю степень гостеприимства:

«Понаехали».

¹⁴ 45.464161, 9.189662

¹⁵ 45.464742, 9.190030

¹⁶ 45.466929, 9.189740

Пальто эмигранта

Путь мой лежал в совершенно особое место. Особое не столько по отношению к остальным местам города, сколько по своему значению для русского человека, русского эмигранта. Нужно заметить, что Милан, по моим понятиям, не стал для белой эмиграции той безрадостной пристанью, воды которой покрыли обломки их последних надежд. Такая честь выпала другим городам: Константинополю, Парижу, Нью-Йорку, Берлину, Лондону... Здесь же до нашего слуха едва ли донесется то эхо, которое нет-нет да пробьется сквозь городской шум Латинского квартала или авеню де Гобелен¹⁷.

Это эхо искореженных судеб, эхо скитаний и поденной работы, эхо братских собраний и кружков, университетов, изданий, приходов, проникнутых единым стремлением – сохранить родину в себе и в своих детях. И наконец, эхо несбывшейся надежды, одной-единственной – возвращения «в свободную Россию».

Славные донские казаки, бесстрашные вояки, опора и честь российского трона, когда-то освободившие под началом Суворова от революционеров-французов Италию, а спустя пятнадцать лет уже победоносно входившие в сам Париж – могли ли они себе это вообразить? Вообразить, что их потомки, прямые наследники их боевой славы, растекутся по этому самому Парижу бледными тенями прошлого. Пристрелив с отходящего корабля еще у берегов Крыма своих преданных скакунов, бросившихся за своими хозяевами прямо в пучину, вынужденные снять свои мундиры, лампасы и эполеты, переодевшись в безликое штатское, они стали работать на чужой народ – будто бы пришли с повинной после Бородина.

Сейчас едва ли остались в живых даже внуки белой эмиграции, говорившие на литературном русском с англо-французским акцентом, никогда не выдавшие, но, может быть, знавшие нашу страну лучше нас. Не берусь судить правнуков, но, думаю, многим из них проще считать себя кем угодно, только не русскими.

Не зная историй и судеб русских эмигрантов в Милане, я взял на себя смелость поднять их знамя в этом городе. Выглядело это примерно так. Закутавшись в любимое синее пальто, бесснежным, но промозглым январским вечером, одинокий, как пустой трамвай, я направлялся в особое место. Пальто на мне было одним из двух, когда-то подаренных отцом нам с братом – без всякого повода и, честно сказать, надобности. Такие неожиданные подарки были в то время не редкостью – в те времена наш свечной заводик работал во все свои четыре трубы¹⁸. Это пальто и напоминало мне о былом блеске нашего рода. У брата оно было черное, у меня – синее. Еще различимые буквы на бирке намекали на именитую фирму – одну из тех, чьи витрины по сей день ослепляют и так давно ослепших туристов на Monte Napoleone¹⁹. Элегантная простота его снаружи исключала даже намек на изрядно потрепанную подкладку внутри. Я даже думал, что годы, эти варвары, беспощадные ко всякой красоте, по отношению к моему пальто ведут себя весьма и весьма деликатно. Обычно они обрушиваются на наружность предметов, стремясь исказить ее, в то время как сердцевина остается ими нетронутой. Здесь же они в корне изменили свой подход. Из сезона в сезон сквозь пальцы они поглядывали на него, беспечно надеваемое хозяином к приходу очередной, непонятно какой по счету осени.

Это пальто, когда бы я его ни надел, необъяснимым образом превращало меня из праздного студента, наслаждающегося своими бессрочными каникулами в Италии (разумеется, не

¹⁷ Районы Парижа, известные тем, что привечали многих русских эмигрантов.

¹⁸ Речь всего лишь о семейном деле.

¹⁹ Всемирно известная улица моды – о ней речь пойдет позже.

считая учебы), в последнего подданного Российской империи – гражданина несуществующей страны.

Миланские дворы

Как я уже говорил, путь мой лежал в особое для русского эмигранта место. Оно вряд ли указано в страшно популярных у туристов путеводителях (и чувствует себя при этом, надо сказать, превосходно) и поэтому находится несколько в стороне от постоянных маршрутов их миграций. Площадь эта именуется Piazza Belgioioso²⁰. Получила она такое название от палаццо с таким же названием, которое в свою очередь, получило его от своего владельца с такой же фамилией. По сути, обычный порядок имя–наследования для старого света.

Архитектор дворца – Джузеппе Пьермарини, по совместительству стал автором и одного из самых матерых «places to visit», бессменного члена всех туристических гидов и брошюр – оперы La Scala, расположенной совсем недалеко. Замечательно то, что, если снести все архитектурные шедевры, понастроенные между двумя творениями Пьермарини – оба здания окажутся едва ли не лицом к лицу. Теперь же, добираясь от одного к другому, иной турист, выпавший из своего традиционного маршрута, рискует заблудиться.

По своем завершении оба здания были тотчас же признаны маститыми исследователями и будущими историками архитектуры шедеврами неоклассицизма. Но если La Scala, по непроверенным данным, получила у менее образованных современников ласковое прозвище «комод», то Палаццо Belgioioso удалось сохранить свое достоинство, избегнув подобных сравнений. Повторюсь, этим оно во многом обязано своему местоположению.

Но вернемся к Piazza Belgioioso. Несмотря на гордое название, «площадь» по своим размерам напоминает скорее двор. Двор, но какой!

²⁰ 45.467410, 9.192522

Сравнение с московским двором

Он мало имеет общего с московским двором конца 90-х у МКАДа, в котором посчастливилось вырасти многим из нас. С его спортивными коробками, засыпанными кварцевым песком, обильно покрывавшим наши ссадины после роликов или футбола, с его оранжевым светом фонарей в непроглядном мраке зимнего утра, с его ледящим душу и одновременно таким родным скрежетом лопат дворников по асфальту – этим унылым лейтмотивом наших безрадостных подъемов в школу. Еще тогда, пребывая в нежных объятиях сна, готовясь титаническим усилием воли поднять веки и броситься в этот холодный и темный мир – в направлении умывальника, я восхищался стоицизмом этих людей, поднимавшихся раньше нас (несчастных школьников) и с постоянством древнегреческого Атланта соскребающих снег, твердый как камень, с тротуаров нашего двора. Еще тогда я решил, что, каким бы я ни вырос человеком, такое служение своему народу мне не потянуть. Ни в физическом плане (утренние подъемы с самого рождения обозначены моим организмом как один из самых противоестественных актов, уступающих разве что самосожжению), ни еще более в моральном: из этого скрежета лопат по асфальту как будто и родилось мое чувство тоски и безрадостности. А как с подобными чувствами браться за работу – известно разве что профсоюзным активистам.

Выходя на след фельдмаршала

Но мы отвлеклись. Речь шла о великолепной площади–дворе, который мне посчастливилось открыть для себя. Тогда, в первый год своей иммиграции, я катил по залитой солнцем мостовой в щегольских монках на босу ногу²¹, в завернутых брюках и льняной, небрежно выглаженной рубашке. Катил на любезно предоставленном мне городским муниципалитетом ярко–красном велосипеде (всего за каких-то 2 евро в час). Не заботясь о том, что происходит впереди, я по итальянской моде вертел головой по сторонам, когда мой взгляд неожиданно упал на табличку со следующими словами:

«In questo Palazzo nell'anno 1799 il generale feldmaresciallo Aleksandr Suvorov grande condottiero russo fu ospite durante la campagna di Lombardia e Piemonte»²².

Помню, тогда я чуть не упал со своего велосипеда. Как? Александр Васильевич? Отец солдат и гроза турок? Потратив на перечитывание и перевод необычной таблички не более получаса, я доподлинно убедился, что это не кто иной, как наш родной генералиссимус. Оглянувшись вокруг, я хотел было крикнуть: «Эге-гей!! Пуля–дура, штык–молодец! Ребята, наши в городе!!» и что-то еще в этом роде, но, рассудив, решил промолчать – кричать было некому. Мимо меня, застывшего под табличкой с радостно–глупой физиономией, проехал на велосипеде миланский клерк–модник, что-то при этом насвистывая, критически покосился на мои не зауженные в районе икр брюки (на это я никогда не решился) и просвистел дальше. Тут я задумался – а знал ли он о Суворове? Ответ пришел незамедлительно. Конечно же, знал! Для этого и повесили табличку.

²¹ Если быть точным, на «invisible sock».

²² В этом дворце в 1799 году генерал–фельдмаршал Александр Суворов, великий русский полководец, гостил во время кампании в Ломбардии и Пьемонте.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.